

Приятно танцевать, не думая о пальчиках и локотках

Вчера Национальная опера представила зрителям первую премьеру открывшегося сезона. Свет ramпы увидел балет «Кратт» на музыку классика эстонского музыкального искусства Эдуарда Тубина.

«Кратт» написан в 1943 году, это первый национальный балет, воссоздающий вечную, как мир, историю о дьяволе, который покупает у человека душу, и о том, что, как всегда, никакого счастья сделка человеку не принесли. Постановку спектакля осуществила главный балетмейстер театра Май Мурдмаа, музыкальный руководитель Пауль Мяги, вместе с Май Мурдмаа сценографом спектакля стала художница Яана Каас, а одну из партий исполнил пришедший совсем недавно в труппу театра Владимир Архангельский, которому накануне премьеры мы и задали несколько вопросов.

— Володя, в труппе «Эстонии» вы совсем недавно, но «Кратт» — это уже ваша вторая встреча с Май Мурдмаа. До этого был «Огненный ангел». Как складывается ваше сотрудничество с балетмейстером?

— По-моему, замечательно. Мы понимаем друг друга, мне нравится, что Май ценит в танцовщике индивидуальность, чувствует ее и поэтому ставит роль на конкретного исполнителя. Это приносит в работу легкость. Роль я танцую не один, нас трое, но Май не требует, чтобы мы были одинаковы, чтобы все трое обязательно начинали только с левой ноги или с правой. Она предлагает артисту, естественно, не отходя от замысла, тот рисунок, в котором он чувствовал бы себя наиболее удобно. Разрешает что-то изменить. Зрителю это обычно не видно, только профессионал может заметить различия, но, благодаря такой гибкости, каждый танцовщик у Май получает возможность выразиться максимально.

— Что привлекает вас в новом герое?

— Мне интересно то, что если он и не похож на меня, то все равно что-то общее у нас

все же есть, какое-то совпадение по внутреннему мироощущению. Мне понравилось предложение Май, когда она, говоря о характере нашего героя, просила видеть в нем не только человека земли, но и ее поэта, который может радоваться красоте цветка, солнечного дня. В этом есть что-то детское, чистое, возвышенное восприятие мира, природы, жизни.

— Насколько, по-вашему, все это присутствует в музыке Тубина?

— Музыки Тубина до этого я почти не слышал. Но та, с которой встретился в «Кратте», очень помогает, тем более что хореографический материал ставится именно на музыку, ведь бывает иногда и наоборот: в музыке звучит одно, а ты должен делать совсем другое.

— Что будет отличать вашу работу в «Кратте» от «Огненного ангела»?

— Это совершенно разный материал, совершенно разная музыка, потому и настраиваться на две эти роли надо по-разному. Может быть, новую мне будет танцевать приятней, она по настроению мне ближе.

«Кратт» — это неоклассика. В классических балетах многое все-таки подчинено традиции, она не дает больше свободы в пластических решениях. Хрестоматийные классические постановки требуют точного сле-

дования канонам, здесь приходится следить за каждым пальчиком и локотком. А новый балет раскрепощает, здесь можно просто танцевать. Главное, чтобы сил хватало.

Виталий АНДРЕЕВ